Лит. Россия, 1983, 9 сен.

Штрихи к портрету Сергея Залыгина

СОТВОРЕНИЕ МИРА

ТРУДНО назвать писателя, в чьем творчестве не было бы загадок, странностей, неожиданностей, заставляющих исследователей, критиков и читателей вдоволь помозговать, поломать голову, строя различные гипотезы и предположения. Однако и загадка загадке рознь: есть скрытые, потаенные, они выявляются лишь при тщательном анализе, скрупулезном докапывании «до основанья, до корней, до сердцевины». Есть и явные, очевидные, лежащие, что называется, на поверхности, но от этого они вовсе не становятся легко разрешимыми. Одну из таких вот явных загадок предлагает нам творчество Сергея Павловича Залыгина.

Не нужно быть ни сверхпроницательным, ни чрезвычайно наблюдательным, чтобы заметить, сколь существенно разнятся меж собой такие его произведения, как «На Иртыше», «Соленая Падь», «Комиссия», с одной стороны, а с другой — «Южноамериканский вариант», «Оська — смешной мальчик», рассказы, составившие сборник «Фестиваль». Темы, жанры, материал, герои, время, круг проблем — все здесь кажется совершенно несхожим, несопоставимым. Когда читаешь подряд основные книги Сергея Залыгина в той последовательности, в какой они были созданы, то складывается впечатление, что у писателя есть своя четко определенная тема, но есть еще и столь же определенное желание не ограничиваться ею.

Критики со временем пообвыкли и нашли успокоительную компромиссную формулу: «другой Залыгин». Один пишет «сибирскую» прозу, «другой» — все остальное.

Едва ли.

У крупного мастера — а в том, что Залыгин именно таков, сомневаться не приходится — не бывает непроницаемых переборок, глухих заборов, отгораживающих одну половину творчества от второй. Его художественный мир един, а вот способы выражения этого мира могут различаться, произведения и впрямь могут быть и разнотемными, и разностильными.

Чтобы обнаружить это единство, надобно вспомнить, что профессиональным литератором Сергей Павлович Залыгин стал в более чем зрелом возрасте. Ему было пятьдесят, когда он написал «На Иртыше». До этого он опубликовал немало рассказов, повестей, публицистических и критических статей, но все они оказывались, так сказать, не на стрежне литературного потока, как, впрочем, и не в центре его собственных интересов. Его занимали наука и преподавание, а писательство было чем-то вроде увлечения, каким-то побочным занятием, работой по совместительству.

В литературу он пришел совершенно сформировавшимся человеком, со своим сложившимся миропониманием, с собственными творческими принципами. Именно творческими, что он и сам подтверждает в одной из бесед:

«Я хотел бы подчеркнуть и такую особенность: я работал инженером, научным работником и, вы знаете, не очень большое отличие вижу писательской работы от всякой другой, когда она имеет творческий характер. Вот, я помню, когда проектировал, положим, то даже ночью приходили в голову какие-то варианты, какие-то конструкции, какие-то решения... Встаешь иной раз, какой-то расчетик сделаешь. Тут то же самое».

Герои Залыгина любят размышлять, этого у них не отнимешь, но к тому же они и чрезвычайно деятельны, активны. Вообще писатель стремится показать человека во время сотворения мира и человека, при этом активно творящего мир. М и р в его русском множественном значении: мир — общество, мир — состояние покоя, отсутствие войны, мир — Земля, планета, мир — Вселенная, природа в ее космическом понимании, мироздание.

Склонен ли Степан Чаузов — главный герой повести «На Иртыше» — к размышлениям? Конечно. Но ведь и на дело он первый. Спасать ли на пожаре колхозное зерно, валить ли избу поджигателя, выезжать ли артельно на работу, а случись драка — стенка на стенку, — он и тут впереди.

Герои романа «Соленая Падь» — тоже люди, творящие мир, но теперь уже не только мир — общество, но и мир — отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны (так толкует это слово В. Даль). Более того, каждый из них стремится выявить связь этих понятий, их взаимную обусловленность. Если вспомнить название эпопеи Льва Толстого и то, как она писалась в прежней орфографии, то роман С. Залыгина можно было бы озаглавить «Мир и мiръ». Я вовсе не хочу сравнивать эти произведения и уж тем более не стремлюсь приравнять одного автора к другому, а просто ищу формулу, выражающую суть этой книги.

Основной конфликт произведения — конфликт между Мещеряковым и Брусенковым, — по сути, тот же, что и в повести «На Иртыше»: как творить мир — познавая его законы или навязывая ему свои?

Брусенков убежден: власть берут властью, а посему надо гнуть свою линию, не считаясь ни с жертвами, ни с потерями, ни с чужими мнениями. Пусть сегодня не все его понимают, но позже непременно поймут и ему же спасибо скажут. Ради общей победы, победы идеи он не остановится ни перед чем, готов не щадить собственной жизни (в этом его сила), не щадит он и других (не только врагов, но и друзей).

В романе не так уж много батальных сцен, но именно они стали кульминацией произведения, именно в них возникает найденный Залыгиным обобщающий образ — образ уникальный в отечественной литературе: «арара» против «слезной стенки».

Арара — придумка крестьянского воинства, разношерстная орущая толпа (дети, женщины, старики, если мужики, то больные или калеки), практически безоружная орава (кто с вилами, кто с заступом, кто с дрекольем), она с криками бросается в гущу схватки своим на выручку.

Арара — крайнее средство, к которому Мещеряков пытался не прибегать, поскольку, по его понятиям, армия должна спасать безоружных людей, а не они ар-мию. Но война есть война, пришлось главнокомандующему воспользоваться помощью арары. А в следующем бою противник выставил «слезную стенку». Наступавшие колчаковские цепи гнали перед собой плачущую толпу. Враг прикрывался народом, прятался за него. И не мог Мещеряков ни стрелять, ни атаковать конной лавой. У него оставался лишь один выход — против «слезной стенки» воевать арарой. Чтобы спасти одних, рисковать другими.

«Комиссию» Залыгин писал отнюдь не сразу после «Соленой Пади», между этими романами он создал еще несколько произведений, в том числе и крупных. Но если следовать не хронологии, а логике творчества, то нетрудно заметить, что художественно-философские идеи, выраженные в «сибирском» цикле Залыгина, развиваются именно в «Комиссии». Здесь та же ситуация: человек в период сотворения мира, но теперь исследуется неразрывность не двух, как прежде, а трех значений слова «мир»: к обществу и отсутствию вражды прибавилась еще и природа.

В деревне Лебяжка, что раскинулась на бугре между озером и бором, осенью 1918 года на общем сходе избирают Лесную комиссию, потому что соседний лес — бывшее государево владение — после революции оказался безнадзорным, в нем промышлял всяк кому не лень, и сами же мужики почувствовали, что надобны им строгие правила лесоохраны и лесопользования.

Уже разгорается в Сибири гражданская война, но Лебяжку она еще не затронула; из Омска временное сибирское правительство шлет постановления и циркуляры, но им никто и не думает подчиняться: вот в этот-то период безвластия комиссия, которой к тому же для защиты леса от порубщиков придан вооруженный отряд, оказывается единственной реальной властью, и ей приходится заниматься не только лесоустроительством, но, так сказать, и делами мирскими.

Поначалу складывается впечатление, что в романе развернется уже привычный для Залыгина конфликт — столкновение двух членов комиссии: Николая Устинова и Василия Дерябина.

Дерябин сродни Брусенкову: та же безапелляционность, та же стремление верховодить, та же нетерпимость, соединенная с подозрительностью и заставляющая искать врага в каждом, кто с ним не согласен.

Устинов же — умница и книгочей, человек, наделенный даром чувствовать и понимать природу, а главное, прирожденный земледелец, так сказать, мужик милостью божией.

В романе «Комиссия» Залыгин полемизирует с весьма распространенной ныне теорией, которую можно назвать «экологической этикой». Ее приверженцы делят мир на ч е л о в е к а и п р и р о д у, словно бы люди не творение Природы, не часть ее. Они утверждают, что в «природе» нет морали, но зато есть нравственность, которая понимается как высший порядок и гармония. Основной лозунг ревнителей этой теории — «Руками не трогать» или «Руки прочь от природы».

Трагическая вина (есть такая древняя эстетическая категория) Николая Устинова — этого поистине идеального крестьянина — в его осознанном невмешательстве.

Близкое знание природы, влюбленность в нее привели Устинова к мысли, что в ней царит «самый разумный в мире порядок» и дело человека не вмешиваться, не нарушить этот порядок, эту гармонию. Этот принцип перенес он и на общество. «Мы убеждены и даже глубоко, — пишет Устинов от имени Комиссии, — что в разумном будущем человек сперва положит в основу тот либо другой закон природы, а уже после приспособит к нему свой человеческий закон». Это заблуждение и стоило Устинову жизни, ибо в действительности все как раз наоборот: люди подходят к лесам, полям и рекам со своим «человеческим законом», и их отношение к ним зависит от того, какое в своем мире — обществе они выработали представление о добре, совести и справедливости.

Идея Устинова была утопией и, к сожалению, пагубной. И не случайно «Комиссия» появилась не вслед за «Соленой Падью», а после написания романа «Южноамериканский вариант» и повести «Оська — смешной мальчик», потому что в этих произведениях Залыгин изучал действие утопий, вымыслов, иллюзий.

В этих произведениях (а к ним необходимо еще прибавить рассказы «Фестиваль», «Наши лошади», «Петя, Володя, Коля» и другие) писатель опять-таки изображает человека, активно творящего мир, но на сей раз мир фантазий, абстрактных теорий, грез. Можно сказать, что здесь герои творят «антимир» (разумеется, не в физическом, а в художественном значении слова), мир, почти не связанный с действительностью, с реальностью, а главное, противопоставленный им, заменяющий их.

В «Южноамериканском варианте» и в «Оське...» перед нами не «другой» Залыгин, а все тот же, что и в произведениях «сибирского» цикла, и интересует его все тот же герой, активно творящий мир — мир реальный либо вымышленный. Писатель решает одну и ту же задачу, но решает ее как бы с разных сторон.

В том-то и дело, что писатель остается самим собой и творческий метод его неизменен, а потому и недостатки его оказываются продолжением достоинств.

Так, при изучении фантазий, вымыслов «антимира» он со свойственной ему основательностью, выработанной научной методологией, чрезвычайно тщателен в описании всех подробностей, но это оборачивается порой затянутостью повествования. Да и темы тут, честно говоря, мельче, проблемы уже, локальнее, чем в повести «На Иртыше», в романах «Соленая Падь» и «Комиссия».

Активны не только герои Залыгина, но и сам писатель. Он часто и охотно высказывает свое мнение по самым разным вопросам, пишет не только романы, повести, рассказы, но и публицистику, эссе, критику.

Прозаики в большинстве своем не очень-то любят заниматься литературоведением, а тем более критикой. И вовсе не потому, что не желают обижать коллег или боятся ответных упреков: что ж ты, мол, других ругаешь, а сам-то лучше, что ли? Нет, просто разные это умения — умение писать самому и умение анализировать написанное другими. Залыгин знает об этом:

«Блестящий мыслитель-литературовед часто не сможет написать ни одной художественной строки, а человек, не имеющий сколько-нибудь солидных понятий о теории литературы, может создать художественный шедевр.

Полное совпадение этих двух начал — случай очень счастливый, а следовательно, и очень редкий. Однако самое поразительное, что как раз на это редкостное совпадение каждый из нас где-то в душе и рассчитывает в применении к самому себе.

Наверное, потому, что художественная литература, помимо всего прочего, это всегда еще и поиск счастливейшего случая».

Если это и впрямь поиск счастливого случая, то стоит заметить, что писатель ведет его в чрезвычайно широкой зоне.

Не могу сказать, что я согласен со всеми высказываниями и суждениями Залыгина (впрочем, одна из функций критики — приглашение к спору, а не к безоговорочному согласию), но в его работах множество точных, тонких, а порой и неожиданных наблюдений, парадоксальных выводов и предположений.

«...Когда писатель становится хоть в какой-то мере литературоведом, — утверждает Залыгин, — в этом сказывается его желание учиться».

Сергей Павлович Залыгин, чье 70-летие мы отмечаем в эти дни, — один из старейшин нашей прозы, один из признанных ее мастеров — не скрывает своего желания учиться. А раз так, то можно не сомневаться, что в его творчестве появятся новые загадки, новые неожиданности, непредвиденности, над которыми читателям, литературоведам и критикам еще придется вдоволь помозговать.

Евгений СЕРГЕЕВ